

Татьяна Rogozovskaia

От «Маррона милого» до Мирона (и обратно)

1.

С фельетоном «Конец «литературной забегаловки»¹ меня познакомил один из трёх Юриев² — героев этого опуса. Это случилось ровно через полвека после публикации. Два других Юрия были не только мне известны — Некрутенко³ и Щербак⁴, с — Виленом Барским⁵ я познакомилась заочно (он живет в Германии). А книгу Мирона Петровского о Корнее Чуковском прочитала задолго до чтения этого фельетона.

Небольшая «Сцена у фонтана». Золотые ворота, за несколько лет до 1500-летия Киева⁶, «реконструкции» церкви Благовещения (первой церкви, «построенной большевика-

© Tatiana Rogozovskaia, 2012

<http://www.utoronto.ca/tsq>

¹ Сталинское племя. 1959, 23 дек. Фельетон был написан по заказу КГБ. (Впоследствии «Комсомольское знамя», «Коза» и «Независимость» — под этим названием она и закончила свое существование, установив рекорд тиража в миллион экземпляров).

² Юрий Лаврентьевич Педан — переводчик с итальянского на украинский. Перевел роман К. Малапарте «Бал у Кремлі», не законченный автором. Перевод опубликован в журнале «Всесвіт» № 11—12. 2003. С. 3—56.

³ Юрий Павлович Некрутенко (1936—2010) — лепидоптеролог, энтомолог и автор перевода на украинский язык романа «Мастер и Маргарита».

⁴ Юрий Николаевич Щербак — писатель, сценарист, эпидемиолог, публицист, политик, эколог и дипломат. Одно из своих стихотворений о Киеве он посвятил Мирону Петровскому.

⁵ Вилен Исаакович Барский — поэт и художник, «Первый киевский концептуалист». Живет (с 1981 года) в Дортмунде.

⁶ В мае 1982 года, во время церемонии открытия «отреставрированных» Золотых ворот торжественно прозвучало: «И это особенно знаменательно, что мы отмечаем 1500-летие Киева ... в год 60-летия образования СССР».

ми»). После выступления Мирона Петровского перед книголюбями — киевоведками⁷, где он призывал помочь ему найти газету «Чертова перечница» (за 1918 год), мы сидим в вечерних сумерках на скамейке... Пытаюсь осознать, что Мирон Семенович, которого я воображала примерно ровесником К. И. Чуковского, на самом деле оказался чернобородым и выглядит куда моложе Корнея Ивановича. Он вроде даже оправдывается, что так молод... А статья о газете «Чертова лялька»⁸ была напечатана спустя... 10 лет. Потом, наконец-то, появились новые книги Мирона. Иногда мне удавалось слушать его «заготовки», когда проходя не очень спешно по Владимирской на свое очередное выступление, он рассуждал о только что опубликованном «Батуме»⁹. А на книжном рынке мы вместе покупали книгу «Жизнеописание Михаила Булгакова» М. Чудаковой¹⁰.

Перед появлением книги «Мастер и Город»¹¹, куда вошли основные статьи о Булгакове, Мирон Петровский прочитал цикл лекций в Доме Учителя на Владимирской... Первое издание он подписал мне в самолете, когда мы возвращались в Киев из Будапешта (14 мая) с Булгаковских чтений, накануне дня рождения Булгакова. В Будапеште, помимо докладов и обсуждений оных, у нас была еще и прекрасная культурная программа с экскурсиями по Венгрии и мы «отметили» всех майских именинников (включая Петровского). До этого были

⁷ В бывшей караимской кенассе-кинотеатре «Заря», лет за десять до его статьи «Сенсация в вечерних сумерках: По следам выдуманного факта из биографии А. Довженко и М. Булгакова» — его ответе на «Скамейку на бульваре» С. Плачинды.

⁸ «Чертова лялька»: (Два рядка коментаря до М. Булгакова) // Культура і життя. 1988. 4 вересня.

⁹ «Дело о Батуме» // Театр. 1990. № 2. С. 161—168.

¹⁰ Жизнь и судьба Михаила Булгакова // Новый мир. 1989. № 11. С. 256—259.

¹¹ Мастер и Город: Киевские контексты Михаила Булгакова / обл. работы Сергея Маслобойщикова. К. 2001. 366 С. В 2004 году книга вышла в переводе на польский, а в 2008 появилось «издание 2-е, исправленное и дополненное, Спб, изд. Ивана Лимбаха».

чтения в Ленинграде, потом в Санкт-Петербурге... И в Киеве... Еще до музея Булгакова (решение о его создании киевские власти приняли в 1989 году) — в подвальчике у Олега Липцына в театре. Там выступали не только будущие музейщики, но и выдающийся украинский переводчик Григорий Кочур. В 1990-м году приехали первые гости из Москвы и Питера (снова в подвальчик к Липцыну — дом № 13 в это время был на реставрации). А в 1991-м, в мае гостей на открытии «Дома Турбиных» было много и все они запомнили, что ровно в 13 часов над спуском прозвучал весенний раскат грома среди совершенно ясного неба...

В 1995 году вышел № 1—2 (3—4) «международного научно-художественного журнала»(Collegium). Выпуск был посвящен Михаилу Булгакову и все сотрудники музея работали над этим выпуском под идейным руководством Мирона Петровского. Сам он укрылся под псевдонимом Ежи Годник, указав себя как публикатора в статье «Пан Пилсудский, пани Догналик и некто Булгаков»... Не так уж часто Мирон Семенович приходил на Андреевский спуск в музей, но каждый его приход был как подарок...

О том, почему его биография оказалась «длинной», а библиография — короткой, Мирон Семенович ответил в заметке к своей биобиблиографии, изданной в 2007 году. В мою задачу не входило «обозревать» эту библиографию¹². И — слава Богу — есть еще немало тех, кто знает-помнит Мирона не только сегодняшнего, но и «вчерашнего»¹³. Пожелать хочется словами Маршака, одного из его «детских» героев: «Желаем Вам цвести — расти, копить-крепить здоровье! Оно для дальнего пути — главнейшее условие!»

¹² Мирон Петровский. Биобиблиография / составитель Юлия Веретенникова, под редакцией Степана Захаркина и Андрея Пучкова. Киев — Издательский дом А+С. 2007.

¹³ См., например: В. Скуратовский. Верность себе (в наст. Издании).

Приветы из «Дома Турбиных».

Фото Булгакова в монокле, подписанное «Мирону милому» — появилось к предыдущему юбилею, десять лет назад. В музее, на Андреевском / Алексеевском спуске, 13, мы снова «обнаружили» такой вариант фотографии (работы Вероники Сидоренко). Ранее был известен первоначальный «вариант», подписанный «Маррону» — Марике Артемьевне Чимишкян-Ермолинской. Сосватали Марику с Ермолинским Булгаковы. Это случилось после того, как пришлось (не совсем добровольно) уехать из Москвы Курцио Малапарте, с которым у Марики был роман...

В классической книге «Мастер и Город», в шестой главе («Как поссорились и где помирились Михаил Афанасьевич и Владимир Владимирович»), нет ни Марики, ни Малапарте, так как занимается Мирон Семенович, в основном, исследованием текстов писателей, а не их биографией. Тем не менее, он сам протянул мне номер журнала, в котором был напеча-

тан роман Курцио Малапарте «Бал в Кремле», где появились не только Сталин, Луначарский, Бубнов, маршалы, их жены, балерина Семенова, но и Демьян Бедный, Маяковский и... Булгаков и Марика. О том, что Булгаков встречался с Малапарте мы знали благодаря свидетельству Любове Евгеньевны Белозерской (второй жены Булгакова) из ее мемуаров. Но здесь — в романе — описана не одна встреча, а множество. И говорят они, гуляя по московским улицам, о... Христе. Это в то время, когда Булгаков только начинал писать роман, опубликованный под названием «Мастер и Маргарита» спустя почти 10 лет после смерти Малапарте. В то время (1929 год) были только черновики («Черный маг», «Копыто инженера» и «Вечер страшной субботы») в тетрадах.

Единственный фильм, снятый Малапарте (в 1950 году), носит название «Запрещенный Христос». Он выступил сразу в трех ролях: как сценарист, режиссер и композитор. Фильм был отмечен призом «Берлинале» (1951) и номинировался на главный приз Каннского фестиваля. Встречался с Малапарте — уже в римском госпитале наш земляк Виктор Некрасов. Еще один наш земляк, Виктор Гайдук — переводчик с итальянского сопровождал его в прогулках по Москве в 1956 году. В книге польского писателя Т. Брезы «Бронзовые ворота» немало страниц посвящены этой замечательной личности. Футурист, затем — фашист, дипломат, блистательный журналист и писатель, авантюрист, сценарист, в последние дни своей жизни принявший католичество и ... вступивший в ряды ИКП...

Попытавшись разобраться с этой загадкой, я отправилась по следам Малапарте (Курта Зуккерта) в Тоскану... Мечтала добраться до виллы Малапарте на острове Капри, которую можно увидеть в фильме Годара «Презрение» (по роману Альберто Моравиа с Б. Бардо в главной роли). О посещении этой виллы, которую Малапарте завещал не своим сёстрам, а ...китайским писателям, которых он хотел поблагодарить за проявленную ими заботу во время его последнего путешествия (он успел закончить роман «Я в России и Китае»), мне

рассказывал Г. Ф. Коваленко. Но немного опоздала. Архив Малапарте, хранившийся во Флоренции был продан его наследниками и отправился в Миланскую библиотеку... и когда он будет доступен для исследования, пока неизвестно. А до виллы на Капри не удалось дозвониться — там сейчас хранится архив другого писателя. Пришлось ограничиться докладом о своих поисках и статьей.¹⁴ (После «Бала в Кремле». Булгаков и Малапарте).

Однако появилось продолжение публикации отрывков романа «Бал в Кремле» в переводе Юрия Лаврентьевича Педана.¹⁵ И хотя в этих главах не появляется Булгаков, но есть Марика.

В журнале «Архитектура и строительство Москвы» (№ 10. 1990) опубликована глава из романа Малапарте «Я в России и Китае» в переводе Н. В. Шапошниковой «Марика как вчера». Начинается глава с воспоминаний о 1929 году: «Прошло двадцать семь лет с тех пор, как я побывал в Москве. В прошлый раз я уехал из Москвы летом 1929 года, в момент самой жестокой и беспощадной борьбы, разыгравшейся вокруг ленинского наследия. Перечитывая теперь то, что я тогда написал («Ум Ленина», Милан, 1930; «Техника государственного переворота», Париж, 1931), я как бы погружаюсь в ту эпоху. Но в Москве, оглядываясь вокруг, я замечаю, что и эпоха, и места сильно изменились». Малапарте пишет о путешествии на Новодевичье кладбище на трамвае вместе с Марикой («Милой Марике едва тогда было двадцать лет»), ищет ее в воскресной толпе<...> ... «...с соседнего стадиона сюда доносятся громкие возгласы толпы — идет матч чемпионата по футболу, играют команды московского «Спартака» и «Динамо» Киева <...> у меня вдруг возникает ощущение, что все то, что здесь когда-то было, навсегда умерло, что никакой Марики больше нет».

¹⁴ Рогозовская Т. После «Бала в Кремле», Сборник памяти Рашита Янгирова Работа и служба. Сост. Ян Левченко. Спб. 2011. С. 284—302.

¹⁵ Всесвіт. № 11—12. 2009. С. 105—124.

Но Марика снова появляется в романе «Бал в Кремле». Трамвай, который везет их с площади Свердлова на Новодевичье кладбище, не № 2, а № 6 (в примечании Шапошниковой: «Туда шли трамваи № 24 и 34»). И Марике не двадцать, а шестнадцать (на самом деле даже двадцать пять) лет. Они проходят через ворота и «Марика ведет меня среди надгробий к могиле Скрябина, великого русского композитора. Мы сели на одну из тех деревянных лавочек, которые ставят возле могил, чтобы люди могли отдохнуть, помолиться, выпить чая, поговорить в воображаемом обществе умерших. Это давняя традиция, свойственная только русским». И говорят они не только о поездке Марики в Италию, но снова... о Христе. Видимо, Малапарте уже давно и мучительно думает о нем.

Если бы случилась встреча с Марикой — узнали бы они друг друга через двадцать семь лет? Но, безусловно, они помнили о тех трамвайных путешествиях...

В воспоминаниях Марики о Булгакове, к сожалению, очень лаконичных, нет ни слова о Малапарте. Написала она о том, что вышла замуж (в 1929 году) за Сергея Ермолинского, «сопровождаемая слезами хозяйки дома, домработницы Маруси и своими собственными». Сразу за этим идет рассказ о подарке Михаила Афанасьевича, найденном ею в чемодане, из-за которого «поднялся смех, и прекратились слезы». Одно из прозвищ, данных Булгаковым Марике — «Ермишкин» (по названию какой-то игры). А почему «Маррон»? Если это из-за ее французских корней, то в словаре много значений, почти все они подходят к милой Марике, начиная с «каштана». (Почему-то Михаил Афанасьевич при абсолютной грамотности всегда писал «французский», даже в анкетах).

В те дни, когда потребовалось круглосуточное дежурство у больного писателя, Булгаков отказался от медсестер из Литературного фонда и клиники Большого театра и «просил вызвать его младшую сестру Елену Афанасьевну и обратился ко мне с просьбой (в надежде, что Сергей Александрович не

будет возражать) переехать к нему в дом на то особенно тяжелое время. Что я и сделала. <...> Несмотря на свое тяжелое состояние, он еще находил в себе силы острить и шутить. Он говорил: «Не смейте меня оплакивать, лучше вспоминайте меня веселого».

На известных фотографиях возле смертельно больного писателя -те, что были с ним рядом — Елена Сергеевна Булгакова, два Сергея, «Патя» — Павел Сергеевич Попов и Марика, которая смотрит на него снизу вверх. И все явно улыбаются (сквозь слезы). Значит, он снова «как никто — шутил» (по Ахматовой).

Булгаков и Малапарте попали в одну «звездную» десятку. У первого «на небе» № 3469, у второго — 3479. Однако хотелось бы все-таки узнать об их встречах на московской земле и почему они говорили о Христе. Все еще надеюсь, что в дневниках Малапарте найдется ответ.

3.

После появления очерка (эссе) Виктора Некрасова «Дом Турбиных» (в № 8 за 1967 год), автор получил множество писем. Помимо переписки с Еленой Сергеевной Булгаковой, вдовой писателя и Надеждой Афанасьевной Булгаковой-Земской (первым биографом), одним из важнейших, был для Виктора Платоновича отклик из детства и юности. Это письмо Ирины Бошко. Она не только в профшколе «по одной дороге бегала» с Некрасовым, но и в походы в скаутском (недавно отметившем столетие в Киеве) отряде ходила:

Ирина Бошко — Виктору Некрасову

1 октября 1967

Дорогой Виктор.

Спасибо за «Дом Турбиных». Поразительно, как мне близко все написанное...

И верно, не только потому, что мы — сверстники, киевляне, люди одной обоймы, а в какие-то доисторические времена по одной дороге бежали в железнодорожную профшколу...

Я очень люблю вас за то, что Вы любите Турбиных и так здорово сказали об этом вслух. Они тоже давно жили в нашем «бош-ковском» доме и в моей душе».

На это письмо писатель отозвался (29 октября 1967):

«Дорогая Ирина, никогда не думал, что мой рассказ так всколыхнет в людях прошлое, а вот получилось, — и это еще одно доказательство неувядаемости Булгакова. <...> Спасибо за память Где вы и что? Черкните».¹⁶

Уже в вынужденной эмиграции, в Париже, выступая на радио, Некрасов вспоминал о своем «крестнике» — доме № 13 по Андреевскому/Алексеевскому спуску и рассказывал своим слушателям о новых книгах, посвященных Булгакову.

Книгам Лидии Яновской (недавно скончавшейся) и Анатолия Смелянского («Прочел не отрываясь от умной, талантливой, правдивой книги А. Смелянского») он посвятил отдельные передачи.

Из первой (24 марта 1986 года):

«Поклонники Булгакова разделились в основном на две категории — белогвардейцев и мастер-маргаритчиков. Я отношусь к первой. «Белую гвардию» прочитал еще 14-летним мальчишкой, когда она, не книгой, не законченная, вышла в 1925 году в журнале «Россия». Я был потрясен. К тому времени я постепенно начинал уже советизироваться — в гражданскую войну яростно «болел» за белых, а тут, после смерти Ленина, к великому удивлению родителей, повесил на стене громадный портрет Ленина. — Булгаковская же «Белая гвардия» на какое-то время затормозила эту самую мою «советизацию». Я тут же влюбился в семью Турбиных, разыскал дом № 13 на Андреевском спуске

¹⁶ Книжное обозрение. 1990. 31 декабря.

с уютным двориком под горой, и другой, также 13-й номер на Мало-Подвальной. Теперь на его месте какая-то многоэтажная громада, но тогда же еще был сад, и запущенный дом в глубине, и маленькая калитка в заборе, в которую юркнул Алексей Турбин, убегая от погони.

Всё еще сохранилось — роман ведь вышел через шесть лет после описываемых событий. В полном, законченном виде, как известно, он появился только через 41 год, в 1966 году...

Итак, еще по книге влюбившись в булгаковских героев, я через год или два, встретившись с ними на сцене МХАТа, влюбился уже и в Хмелева, и Яншина, и Добронравова, Прудкина, Кудрявцева, Соколову, в уютный, теплый их дом в заснеженном Киеве, с доносящейся до него из Святошина артиллерийской канонадой, никого из первых исполнителей нет уже в живых, кроме Прудкина — но все они до сих пор перед моими глазами — такие красивые, молодые, благородные, верные царю и знающие, что всем им приходит конец...

<...>

«Мастер и Маргарита» — но это не моя тема. И хотя я преклоняюсь перед этим романом — последний раз я его читал, сидя у себя на диване в Киеве, пока КГБ-шные мальчишки рылись в моих бумагах, тем не менее, я остаюсь убежденным «белогвардейцем».

Посетив бывшее жилище Булгакова на Андреевском спуске № 13 и познакомившись с дочерью Василисы, одного из героев «Белой гвардии», я написал очерк «Дом Турбиных» и напечатал его в № 8 «Нового мира» за 1967 год. Тогда же побывал я и у Елены Сергеевны Булгаковой. Мы много смеялись, вспоминая с ней, как в 1947 году в период первой денежной реформы, она, отличная машинистка, перепечатывала мою пьесу и мы никак не могли сообщить, в каких деньгах я должен был ей заплатить — в старых или новых. Тогда же, сложными путями через Париж, удалось мне разыскать следы обоих братьев Михаила Булгакова — Николая и Ивана, обоих нету уже в живых. А с человеком, который помог мне тогда их разыскать, я иногда встречаюсь теперь в Пари-

же. Он держит собственный ресторан и зовут его Марк Лучек — очень милый и симпатичный. А Михаилу Афанасьевичу Булгакову выпала великая посмертная слава. Книги его, за большие деньги можно купить только на черном рынке. Или в русских книжных магазинах Парижа, где я их покупаю и посылаю друзьям в Союз».

Одна из последних передач Некрасова, 25 марта 1987 года:

А. Смелянский «Булгаков в Художественном театре».

Храню как зеницу ока некий пятидесятилетней давности документ. Он прошел сквозь войны, оккупации и в конце концов эмигрировал — лежит у меня в папке с заветными бумажками. Это программка спектакля «Дни Турбиных» во МХАТе, сезон 1934 года. Мне 23 года и я сижу и млею на ступеньках балкона, выклянчив контрамарку у Ф. Михальского, всемогущего администратора театра.

Видал я «Турбиных» раза три или четыре.

С теми, великими исполнителями. В ветхой программке — она вся подклеена липучей лентой «Скотч» — подчеркнуто:

Алексей Турбин — Николай Хмелев

Николка — Иван Кудрявцев

Елена — Вера Соколова

Мышлаевский — Василий Топорков

Лариосик — Михаил Янин

Спектакль, как выяснилось, оказался этапом в моей театральной жизни. И в жизни самого театра тоже — «Дни Турбиных» считаются второй «Чайкой», а Михаил Булгаков третьим автором-родоначальником.

Судьба пьесы и спектакля драматичны и в высшей степени интересны.

<...>Прочел не отрываясь от умной, талантливой, правдивой книги А. Смелянского.¹⁷

¹⁷ Материалы ОР РНБ (СПб).